

ПРАВОВОЙ СТАТУС КУПЕЧЕСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 60–90-х ГГ. XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)¹

Е.Н. МЕНЬШИКОВА

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Menshikova@bsu.ru

В статье рассматривается один из наиболее значимых аспектов проблемы эволюции женского мира купеческого сословия Центрального Черноземья в 60–90-х гг. XIX в. – изменение правового статуса женщины-купчихи в пореформенный период. Анализ общероссийского законодательства 60–90-х гг. XIX в. и изучение документальных источников, сосредоточенных в государственных архивах Белгородской, Воронежской и Курской областей, позволили выявить отчетливо выраженную тенденцию к сближению правового статуса мужчины и женщины купеческого сословия.

Ключевые слова: купеческая женщина, правовой статус, имущественные права, предпринимательская деятельность.

Адекватному пониманию и оценке положения купеческой женщины в провинциальном обществе Центрального Черноземья пореформенного периода способствуют данные, полученные при анализе основных составляющих её правового статуса: прежде всего, прав состояния, имущественных и наследственных прав, а также комплекса прав, связанных с занятием профессиональной деятельностью – «производством торговли».

Как известно, основными вехами в эволюции юридического статуса российского купечества во второй половине XIX в. являлись реформы 1863–1865 и 1898 гг. Так, в 1863–1865 гг. была упразднена третья купеческая гильдия. В результате чего произошла структурная перестройка внутри купеческих корпораций. В дальнейшем под влиянием модернизационных процессов пореформенного периода постепенно слабела государственная регламентация предпринимательства. Однако торгово-промышленная деятельность по-прежнему сохраняла сословный характер вплоть до 1898 г., когда в связи с введением нового положения о государственном промысловом налоге выборка гильдейских свидетельств на вступление в купечество была законодательно отделена от покупки свидетельств, дававших право заниматься предпринимательской деятельностью².

Для того чтобы проследить эволюцию правового статуса женщины купеческого сословия в 60–90-е гг. XIX в., целесообразно, прежде всего, остановиться на выяснении смысловой нагрузки определений, идентифицирующих её статус. Это необходимо в связи с тем, что в исследуемый период в документах официального характера применительно к женщине купеческого звания использовались несколько словесных определений: с одной стороны, просто «купчиха», с другой – «купеческая жена», «купеческая вдова», «купеческая дочь», «купеческая невестка». Выявить в них отличительные нюансы невозможно без анализа российского законодательства второй половины XIX в.

Вообще, по закону приобретение прав купеческого сословия было связано с выполнением следующих действий: «объявлением» капитала, покупкой гильдейского свидетельства и уплаты гильдейских повинностей в соответствии со своим рангом. К примеру, в 1850–60-х гг. размер объявляемого годового капитала, необходимого для зачисления в купеческую корпорацию, составлял 2400 руб. серебром – для 3 гильдии, 6 тыс. руб. – для 2 гильдии и сумму, превышающую 6 тыс. руб. – для 1 гильдии³. Кроме того, каждый, изъявивший желание записаться в купечество, обязан был уплатить налог

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эволюция женского мира купеческого сословия Центрального Черноземья в 60–90-е гг. XIX в.», проект №06-01-55104а/Ц.

² Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. С. 18.

³ Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 441.

в размере 15 руб. и купить на 30 коп. гербовой бумаги для ведения его личного делопроизводства⁴. Также обязательным условием пребывания в купеческом состоянии было постоянное проживание в городе и владение в нём недвижимым имуществом⁵.

В трактовке общероссийского гражданского права (законов о состояниях и специализированного свода торговых законов – Торгового и Кредитного уставов) женщина становилась обладательницей всех прав и преимуществ купеческого состояния, в первую очередь по происхождению (то есть должна была родиться в купеческой семье), а во вторую – получала их с супружеством. При заключении брака мужчина-купец сообщал своё состояние жене вне зависимости от её прежней сословной принадлежности⁶. Последнюю норму дополняло положение, согласно которому женщина, происходившая из более низкого сословия, пользовалась купеческим званием до тех пор, пока её муж сам состоял в купеческой гильдии. Также женщина-купчиха сохраняла права состояния мужа и при расторжении брака разводом, притом независимо от того, по чьей вине был расторгнут брак. И, наконец, в третью очередь женщина могла быть причислена к купечеству при записи в сословие «своим лицом», то есть в случае, если она предьявляла отдельно от супруга «особый» капитал⁷.

Таким образом, главным критерием различий вербальных форм, использовавшихся для обозначения статуса купеческой женщины, являлся способ зачисления в торговое сословие. Поэтому официально купчихой могла называться только женщина, получившая гильдейское свидетельство, взятое на своё имя. В этом случае она имела право принять участниками в собственное торговое дело детей от прежнего брака, если их имела, но не детей от настоящего⁸.

Именование женщин из купеческой среды в официальных документах купеческими жёнами, дочерьми и невестками указывало на то, что они пользовались правами купеческого сословия на основании принадлежности к неразделённому семейству, глава которого выбрал на своё имя купеческое свидетельство, внося туда членов семьи. Ведь по закону члены купеческой семьи «при жизни отца пользовались его званием до тех пор, пока они с ним не в разделе, и пока отец платит гильдейскую подать»⁹.

В случае смерти мужчины-купца купеческая вдова и дочери удерживали на всю свою жизнь звание, в котором состоял их муж и отец. Однако они не могли заниматься предпринимательской деятельностью, иными словами, не могли «присвоить себе никаких торговых прав», до тех пор, пока не запишутся в гильдии под своим именем¹⁰.

Женщина купеческого звания могла претендовать на упрочение своего социального положения при переходе из купечества в другую сословную категорию – почётное гражданство. Известно, что в Российской империи права почётного гражданства можно было получить начиная с 1832 г. В соответствии с законами о состояниях лица купеческого сословия обладали преимущественным правом в получении потомственного почётного гражданства перед представителями других сословий¹¹.

По закону купеческая женщина имела возможность притязать на получение почётного гражданства на том основании, по которому муж высшего состояния сообщал принадлежащие ему права своей жене. В свою очередь, женщина, по рождению принадлежавшая к почётному гражданству, в случае вступления в брак с мужчиной из

⁴ ГАБО. Ф. 18. Оп. 1. Дд. 1, 2.; Ф. 20. Оп. 1. Дд. 441, 483, 519; Ф. 22. Оп. 1. Дд. 6, 14; Ф. 158. Оп. 1. Д. 1; Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. 135. Оп. 1. Дд. 207, 225, 235; Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 195. Оп. 1. Дд. 3, 4; Ф. 299. Оп. 1. Дд. 711, 746, 792, 841, 880, 915, 1008, 1043; Ф. 373. Оп. 1. Дд. 1, 2; Ф. 385. Оп. 1. Дд. 1, 2.

⁵ Свод законов Российской Империи. Т. IX. СПб., 1857. Законы о состояниях. Ст. 240-241.

⁶ Там же. Ст. 489.

⁷ Там же. Ст. 100.

⁸ Свод законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II. Тетрадь 2. СПб., 1857. Торговый устав. Ст. 40.

⁹ Там же. Ст. 44.

¹⁰ Там же. Ст. 54.

¹¹ Свод законов Российской Империи. Т. IX. СПб., 1857. Законы о состояниях. Ст. 581.

более низкого состояния, сама не теряла данных прав, но не могла передать их ни мужу, ни детям¹².

В течение пореформенного периода купеческие жены и вдовы приобретали статус потомственных почётных гражданок в нескольких предусмотренных законом случаях: если их мужья были пожалованы званием Коммерции или Мануфактур-советника; если их мужья получили один из российских орденов после 30 октября 1826 г.; если они принадлежали тем семьям, которые имели десятилетний стаж состояния в первой гильдии или состояли двадцать лет во второй гильдии и никогда не попадали под юрисдикцию суда¹³.

Как видно, приобретение женщиной прав купеческого состояния или почётного гражданства было неразрывно связано с жизненным сценарием мужчины – её отца или супруга. Таким же образом обстояло дело и с потерей данных прав. Женщина могла их лишиться при следующих обстоятельствах. Во-первых, при вступлении в брак с женщиной, находящимся в более низком сословии. Во-вторых, при переходе мужа в другое состояние, в том числе более низкое, вызванное признанием его несостоятельным или при произвольном оставлении им торговой деятельности. В-третьих, при совершении уголовного преступления, за которое было определено наказание, сопряжённое с лишением всех прав состояния¹⁴.

Подходя к рассмотрению имущественных прав купеческой женщины, изначально следует обратить внимание на закреплённый в российском законодательстве принцип раздельного владения имуществом супругами – «каждый из них мог иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность»¹⁵. Данный принцип определял то обстоятельство, что мужчина в купеческой семье не обладал, с юридической точки зрения, доминирующим правом распоряжаться денежными средствами и собственностью жены, управлять её имуществом и использовать его с целью получения выгоды. Исключением были ситуации, когда мужчина-купец становился официальным доверенным лицом своей жены.

Соответственно, по закону купеческая жена была экономически самостоятельна и могла распоряжаться своим имуществом, «не испрашивая» разрешения и согласия у мужа. Она имела право приобретать в собственность недвижимость в городах, в том числе дом в столице (при условии того, что его стоимость будет превышать 7500 руб.), дома в селениях, лавки, магазины и склады, а также земельные участки под строительство домов, надворных строений и других «домашних обзаведений»¹⁶.

Ограничением купеческой женщины в полном распоряжении личным имуществом являлся запрет на выдачу векселей без согласования с мужем, которое, впрочем, было упразднено во второй половине 90-х гг. XIX в.¹⁷

Подтверждение реализации владельческих прав женщиной купеческого звания Курской и Воронежской губерний в 60–90-х гг. XIX в. находим в источниках. Они освещают в первую очередь финансовые аспекты благосостояния женщины купеческого звания: указывают на размер капитала и путь его приобретения – наследование или же получение «своим трудом посредством коммерческого оборота». Так, почётная гражданка белгородская купеческая жена Мария Ивановна Слатина по завещанию своего отца, почётного гражданина курского 2 гильдии купца И.В. Гладкова (составленного 2 января 1854 г.) получила после его смерти в «единственное владение» капитал в сумме 30 тыс. руб. серебром¹⁸.

Судя по составленному в 1867 г. духовному завещанию курской купеческой вдовы потомственной почётной гражданки Пелагеи Ивановны Антимоновой, лично ей принадлежал самостоятельно приобретённый капитал, состоящий «в долгах на разных лицах, а именно: на курской мещанке М.А. Милениной и умершем её муже И.И.

¹² Там же. Ст. 587.

¹³ Там же. Ст. 582.

¹⁴ Там же. Ст. 240-241, 565.

¹⁵ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 109.

¹⁶ Свод законов Российской Империи. Т. IX. СПб., 1857. Законы о состояниях. Ст. 540-541.

¹⁷ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 114.

¹⁸ ГАКО. Ф. 724. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

Миленине

1450 рублей; ... на жителях подгородней слободы братьях Власовых по закладной – 3 тысячи рублей; на потомственном почётном гражданине Н.А. Гнучеве по расписке – 300 рублей; на курском мещанине А.М. Холявкине по векселю – 100 рублей»¹⁹. Кроме того, этой женщине принадлежали деньги – 5500 руб., внесённые ею в Курский общественный банк. Таким образом, всего П.И. Антимонова владела 10 350 руб. «с процентами и со всеми интересами»²⁰.

Наглядной демонстрацией материального благосостояния купеческой женщины в 60–90-е гг. XIX в. являлось личное владение в городе недвижимой собственностью – домами, лавками и магазинами, складами и погребями, земельными участками и прочим. Естественно, что дома, владелицами которых являлись женщины купеческого звания, были разными как по размеру, так и по внешнему виду и внутренней отделке. Их стоимость варьировалась от нескольких сотен до нескольких тысяч рублей. Она находилась в прямой зависимости от качества использованных для строительства материалов, а также от наличия надворных построек – подвалов, амбаров, сараев, ледников, конюшен, кузнец, флигелей, прачечных и других строений хозяйственного назначения. Хранящиеся в архивах материалы – списки купцов-домовладельцев с подробным описанием их домов – позволяют увидеть размеры личного недвижимого имущества, сосредоточенного в руках купеческих женщин Курской и Воронежской губерний. Так, например, в 1868 г. в городе Обояни Курской губернии из 137 домовладельцев купеческого звания 18 являлись женщинами, то есть 13% от общего числа²¹. Или другой пример: в 1886 г. в городе Борисоглебске Воронежской губернии из 142 представителей купеческого сословия, владевших домами в городе, 28 являлись женщинами (20% от общего числа купцов)²².

Изучение такого пласта источников, как описи имущества, показало, что чаще всего представители купеческого сословия Курской и Воронежской губерний в 60–90-х гг. XIX в. (как женщины, так и мужчины) предпочитали строить или приобретать двухэтажные дома, крытые железом, в которых нижний этаж был каменный, верхний – деревянный. В описях имущества даны и подробные характеристики внутреннего устройства купеческих домов: количество комнат, других полезных помещений – передних, сеней, кухонь, коридоров, кладовых. Нередко на нижних этажах жилищ, принадлежащих женщинам-купчихам, размещались лавки или другие объекты предпринимательской деятельности.

К примеру, в 1861 г. воронежская купеческая жена Анна Андреевна Петрова имела в личной собственности дом, находящийся в городе Воронеже в Дворянской части, который оценивался в 3 тыс. руб.²³ Дом был каменный, двухэтажный, с лавкой на нижнем этаже, надворными постройками, садом и усадебным местом.

Другое свидетельство личного владения крупной недвижимой собственностью находим в описи имущества жены старооскольского купца Елены Ивановны Игнатовой, сделанной в 1895 г.²⁴ Судя по описи, имущество этой купеческой женщины оценивалось в 7700 руб. Оно было представлено усадебным местом размером 120 квадратных саженей, находившимся в городе Старый Оскол по Курской улице; двухэтажным каменным домом, крытым железом, площадью 280 квадратных аршинов; каменной двухэтажной крытой железом лавкой площадью 126 аршинов; деревянным крытым железом амбаром площадью 561 аршин; каменным крытым железом зданием площадью 170 аршинов; досчатый ледником, крытым железом; каменным сараем площадью 176 аршинов; на столбах крытым железом сараем площадью 24 аршина; каменным крытым железом зданием для мыловаренного завода площадью 950 аршинов, размещавшимся на Оскольской Набережной улице; при заводе каменным крытым железом коридором площадью 52 аршина и каменным складом площадью 380 квадратных аршинов.

¹⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 169. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 730. Л. 2-274.

²² ГАВО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 225. Л. 4-117.

²³ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 17231. Л. 1-5 об.

²⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

Одним из видимых показателей финансового благополучия женщины купеческого сословия в исследуемый период являлось владение землёй – как участками в черте города (усадебных и дворовых мест), так и вне их пределов (земли сельскохозяйственного характера). Например, в 1868 г. среди 79 владельцев, имевших усадебные имения в центре города Обояни, 5 были женщинами-купчихами, то есть 6% от общего числа землевладельцев²⁵. А из 126 чел., владевших усадебными местами в других частях города, принадлежавших к «выгодной земле», 13 являлись женщинами купеческого звания (10%)²⁶. Восемью из них данные участки были приобретены путём самостоятельной купли, к пяти – перешли по духовным завещаниям.

В целом для купечества Центрального Черноземья ввиду аграрной специализации региона было характерно устойчивое стремление к обзаведению земельной собственностью. В пореформенный период представители купеческого сословия стали основными покупателями дворянской земли. Скажем, к 1887 г. на территории Курской губернии на долю купеческого земельного фонда приходилось 7,4%²⁷.

К началу XX в., а именно к 1905 г., на территории Курской губернии 60% купеческих поместий, согласно традиционной градации землепользования, принадлежало к мелкопоместным хозяйствам (до 50 дес. земли), 33% – к средним (от 50 до 500 дес. земли), 7% – к крупным (свыше 500 дес. земли)²⁸. Однако были случаи, когда купцам принадлежали крупные земельные владения. Например, в Новооскольском уезде Курской губернии одно купеческое владение в 8940 дес. превышало площадь земель всех 139 мелкопоместных дворян этого уезда, с земельным фондом в 4406 дес.²⁹

Продолжая разговор о женском купеческом землевладении, будет уместным привести конкретные примеры. Скажем, к мелкопоместному имению можно отнести земельную собственность 2 гильдии купчихи Александры Митрофановой, купившей в августе 1863 г. у белгородского помещика В. Стремоухова 43 дес. «ненаселённой земли с поросшим дровяным лесом» в селе Муром Белгородского уезда ценой 1500 руб.³⁰

А вот земельное владение почётной гражданки рыльской купеческой жены Н.Е. Филимоновой вполне можно считать принадлежащим к среднепоместному, поскольку оно включало в себя: 22 дес. 19 сажень земли под постройками, 1939 квадратных сажень сенокосных угодий, 63 дес. распашной земли, 71 десятину 164 квадратных сажень леса и 28 дес. «неудобной земли»³¹. Данная земельная собственность Н.Е. Филимоновой оценивалась в 1882 г. в 38 517 руб. Примером крупнопоместного имения, принадлежавшего женщине-купчихе, может служить имение новооскольской купеческой невестки Елены Ивановны Ивановой в 585 дес. пахотной земли³².

Немаловажным признаком достатка в купеческой среде, особенно уездных городов и сельской местности, считалось владение домашним скотом. Городскими властями вёлся учёт домашних животных, принадлежавших всем горожанам, в том числе представителям купеческого сословия. Например, как показал анализ списков домовладельцев, в Борисоглебске в 1877 г. женщины купеческого сословия имели в своём хозяйстве от четырёх, как купеческая жена Л. Петрова, до двадцати лошадей, как купчиха М. Сидельникова³³.

Относительная имущественная независимость купеческой женщины в семье основывалась ещё и на том, что она изначально владела собственностью, выделенной ей родителями по случаю замужества в качестве приданого. Вообще приданое рассматривалось гражданским законодательством России второй половины XIX в. как часть собственности, обязательно выделяемая родителями вступающей в брак дочери для

²⁵ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 731. Л. 31.

²⁶ Там же. Л. 34-42 об.

²⁷ Захаров В.В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Курск, 1996. С. 15.

²⁸ Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2005. С. 183.

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ Там же. С. 224.

³¹ ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

³² Там же.

³³ ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–69.

поддержки тягостей семейной жизни³⁴. Приданое могло выделяться как до заключения брака, так и после него. Факт получения женщиной приданого фиксировался документально. Подписание так называемой рядной записи означало подтверждение получения имущества, составлявшего приданое, и отречение от дальнейшего участия в разделе наследства родителей после их кончины³⁵. Считалось, что в виде приданого дочери получали свою долю наследства родителей. Так, о выделе части имения в виде приданого своим дочерям письменно указывал в своём духовном завещании поминавшийся выше курский купец И.В. Гладков: «... родным же: дочери, выданные в замужество Марья Слатина (муж – почётный гражданин Илья Слатин); Варвара (купеческий сын – Малыхин); Елизавета (купеческий сын Дмитрий Елисеев); Надежда (поручик Аркадий Выхотцев); Раиса (капитан ...) при выдаче их в замужество и после того от меня им ... на приданое награждены»³⁶.

О выделе средств на приданое племяннице писала в своём завещании в 1867 г. и курская купеческая вдова потомственная почётная гражданка Пелагея Ивановна Антимонова³⁷. Она «употребила» 2 тыс. руб. на выдачу в замужество племянницы Елизаветы Михайловны Милениной.

В случае отсутствия письменного свидетельства выдела приданого дочери при жизни родителей, она имела право требовать свою часть при разделе имущества умерших родителей³⁸. Чтобы этого не случилось, родители при жизни обговаривали факт получения наследства в составлявшихся духовных завещаниях. Например, старооскольский 3 гильдии купец Д.М. Чунихин таким образом запрещал дочерям претендовать на участие в разделе его имущества после своей смерти: «Дочерям же моим – Аграфене Дягилевой и Серафиме Клячковой – до выше означенного моего движимого и недвижимого имения и капитала, как завещанного так и оставшегося, засим завещанием никакого дела нет и не касаться под опасностью гнева Божьего и моей родительской клятвы, потому что они от меня при выдаче в замужество не только прилично и соответственно моему состоянию, но даже избыточно награждены ценой всему завещанному мной имению, по совести объявляю кроме капитала 10 тысяч рублей»³⁹.

Следует заметить, что в купеческой среде центрально-чернозёмного региона в 60–90-х гг. XIX в. распространённой практикой, как и прежде, был обман с приданным, когда родители невесты, первоначально обещая выделить дочери в качестве приданого какую-то значительную часть имущества, в итоге после свадьбы ничего не давали. Бесспорно, подобные ситуации значительно усложняли положение молодой жены в новой семье мужа.

В отношении приданого мужу могли быть предоставлены лишь некоторые права – право пользования, управления, но не собственности. Поскольку в соответствии с законодательством приданое жены, равно как имущество, приобретённое ею или на её имя во время замужества через куплю, дар, наследство или иным законным способом, признавалось её отдельной собственностью⁴⁰. Однако в случае непосредственного получения мужем приданого, оно считалось его даром по случаю брака.

Закон предусматривал и такую норму: в случае смерти жены, при отсутствии у неё законных детей, возвращения приданого могли требовать её родственники. Так, например, попытку возвращения приданого после смерти дочери – задонской 3 гильдии купеческой жены Александры Ивановны Золотых – предприняла мещанка Василиса Наумова в 1861 г.⁴¹ Она обратилась в Воронежскую палату гражданского суда с прошением о возврате «ценных вещей, хорошего гардероба», составлявших некогда приданое её дочери⁴². В ходе разбирательства дела мещанке Наумовой было отказано в просьбе, поскольку после смерти её дочери А. Золотых остался малолетний сын Николай,

³⁴ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 110.

³⁵ Там же. Ст. 1002.

³⁶ ГАКО. Ф. 724. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

³⁷ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 169. Л. 2.

³⁸ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 1003.

³⁹ ГАКО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 6260. Л. 8.

⁴⁰ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 110.

⁴¹ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 18301. Л. 1–2.

⁴² Там же. Л. 1 об.

которому и следовало вступить в наследство своей матери по наступлению совершеннолетия.

Самого пристального внимания заслуживают наследственные права купеческой женщины в пореформенный период, поскольку они также дополняют картину, которая характеризует её имущественный статус. В соответствии с законами женщина-купчиха не являлась наследницей своего мужа⁴³. Она имела право только на фиксированную часть имения, которая составляла седьмую часть от недвижимого имущества и четвертую от движимого⁴⁴.

Следует помнить о том, что по закону к недвижимости относились земли, угодья, дома, заводы, фабрики, лавки, всякие строения, а также пустые дворовые места⁴⁵. Недвижимое имущество могло быть благоприобретённым, то есть когда оно доставалось покупкой, дарением или могло быть заработано «собственным трудом и промыслом». Также недвижимое имение могло быть родовым, то есть перешедшим по праву законного наследования или доставшимся по купчим крепостям от родственников⁴⁶. Движимое имущество представляло собой книги, рукописи, картины и вообще все предметы, относящиеся к наукам и искусству, предметы «домашнего убранства», в том числе иконы, экипажи, лошади, скот, хлеб сжатый и молотый, товар, наличный капитал⁴⁷.

Например, старооскольская купеческая жена Анна Петровна Коренева получила в 1888 г. четвертую часть от суммы в 35 тыс. руб., унаследованных по смерти первого мужа К.А. Маслова после продажи его недвижимого имущества⁴⁸. При жизни купца К.А. Маслова в собственности имелись 2 усадебных места: в 4 части города Курска, по Покровской улице, и на нём дом с разными надворными постройками; во 2 части города Курска в Железных рядах и сзади их, а на нём находился каменный дом с лавкой⁴⁹. По духовному завещанию покойного всё это имение доставалось при условии его раздела жене, брату – купцу М.А. Маслову – и свояченице – В.С. Масловой.

Вышеуказанные части имущества, получаемые купеческой женщиной после смерти мужа, оставались неизменными и в том случае, когда отсутствовали другие наследники. Купеческая вдова могла претендовать на такую же долю имущества своего свёкра после смерти последнего. Интересен и такой юридический момент, защищавший имущественные интересы представительницы купеческого сословия: если муж обвинялся в совершении преступления, наказанием за которое было лишение всех прав состояния, то женщине, не соучаствовавшей в данном преступлении, полагалась указанная часть имения так же, как по случаю смерти мужа⁵⁰.

Таким образом, женщина купеческого звания, не являясь наследницей своего супруга, нередко становилась преемницей всего имения последнего. Это происходило тогда, когда оставались малолетние дети и женщина становилась их опекуной. Она была обязана заботиться о сохранности и приумножении всего имущества до наступления совершеннолетия детей. В этот период купеческая вдова распоряжалась имуществом по своему усмотрению. Контроль над соблюдением воли умершего купца в сфере защиты интересов детей исполнял такой властный орган, как сиротский суд. В региональных архивах сохранился внушительный корпус документации сиротских судов, которые существовали в каждом из уездных центров Курской и Воронежской губерний. В данных архивных фондах сосредоточены дела, в которых отражены все имущественные аспекты жизни купеческой семьи с малолетними детьми, оставшимися без попечения одного или обоих родителей.

Так, из духовного завещания курской 3 гильдии купеческой вдовы Т.В. Сыромятниковой, составленного в 1857 г., узнаём, что она имела «в действительном

⁴³ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 1148.

⁴⁴ Там же. Ст. 1148.

⁴⁵ Там же. Ст. 384.

⁴⁶ Там же. Ст. 397, 399.

⁴⁷ Там же. Ст. 186.

⁴⁸ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2089. Л. 1; Ф. 32. Оп. 1. Д. 2824. Л. 1–51.

⁴⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2089. Л. 1 об.

⁵⁰ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 1159.

беспорном владении недвижимое имение, находящееся в губернском городе Курске», предоставленное ей «в собственность и вольное употребление покойным мужем ... бывшим курским купцом Ф.М. Сыромятниковым по духовному завещанию»⁵¹. Данный брак был для купца Ф.М. Сыромятникова вторым. На момент смерти у него остались от первого брака и от второго брака малолетние дети. Интересно, что, завещая своё имущество в полновластную собственность жене, купец Сыромятников ничем не наградил «... многих потомков ..., как то: родных детей, Петра старшего, Михаила, Андрея, Малафея, Петра младшего, Ивана, Сидора, Алимпиаду Васильевну – жену покойного сына Афанасия, сына их ... Григория, и внуков ... произведённых от первого брака: Михаила, Ивана, Татьяну ... »⁵².

В свою очередь, купеческая вдова, оставляя своё имение детям, как рождённым в первом браке её мужем, так и их общим, давала следующее наставление: «Дети, внуки при жизни моей должны воспользоваться дарением этим по сему завещанию имения и распоряжаться им по воле своей и по своей надобности; они могут заложить, продать или перекупить в другие руки; а если кто из них не захочет взять назначенную им часть имения, и этим явно ... неблагодарности, то этого явно непочтившего меня, лишаю навсегда дареной части, которую оставляю по-прежнему за собой, в полном моём распоряжении, с правом отчуждения её, кому заблагорассудится»⁵³.

Таким образом, участие купеческих вдов в продолжении торгового дела мужа и в распоряжении его имуществом способствовало сохранению капитала, преемственности занятий и социального положения подрастающих детей.

Ментальные особенности купеческого сословия определяли эмоционально-ценностное отношение к имуществу. Подтверждением чего является проявление к нему бережливости, которую видно из духовных завещаний, наследникам завещались не только капиталы, но и различные предметы быта, в том числе не очень хорошо сохранившиеся. В купеческой среде считалось, что среди материальных предметов, передававшихся по наследству, особой ценностью обладали иконы. Поэтому они первыми упоминались в завещаниях и описях имущества купеческих женщин. Так, курская купеческая вдова потомственная почётная гражданка П.И. Антимонова по завещанию передала в 1867 г. своим племянницам две иконы – икону Рождества Богородицы и икону Иверской Божьей Матери⁵⁴.

Женщины-купчихи, будучи рачительными, а порой и скопидомными хозяйками, тщательно берегли и передавали по наследству предметы быта – мебель, одежду, посуду и прочее. Так, курская купеческая вдова потомственная почётная гражданка П.И. Антимонова завещала одной из своих племянниц – жене купца Александре Михайловне Милениной, помимо прочего, чёрную бархатную шубку на куньем меху с собольим воротом, а другой – Антонине Михайловне – чёрный атласный салоп на лисьем меху с собольим воротом⁵⁵.

Имперским законодательством второй половины XIX в. предусматривалась возможность заключения между супругами взаимных имущественных сделок посредством продажи или дарения⁵⁶. Кроме того, им не запрещалось «совершать взаимно закладные на принадлежащее каждому из них имение и вступать в другие законные между собой обязательства»⁵⁷. Так, усманский 3 гильдии купец Елизар Петрович Петров занял в 1855 г. у своей жены Фёклы Парамоновны Петровой 5 тыс. руб. серебром под залог принадлежащих ему мукомольной мельницы со всеми окружающими её строениями и земельного участка в три десятины⁵⁸. По условиям закладной, совершённой в Воронежской палате гражданского суда 25 января 1855 г., в случае неуплаты долга в пятилетний срок всё указанное имущество купца Петрова переходило в собственность его

⁵¹ ГАКО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 5214. Л. 2.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 169. Л. 2 об.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

⁵⁶ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 116.

⁵⁷ Там же. Ст. 117.

⁵⁸ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 17154. Л. 4.

супруги. В 1861 г. Елизар Петров в полном объёме выплатил долг своей жене, в итоге вся недвижимость осталась в его личном владении.

Таким образом, в сумме параферильную собственность купеческой женщины в семье составляли приданое и имущество, приобретённое во время замужества через покупку, дарение, наследование или иным другим законным способом. Такая имущественная обеспеченность женщины во многом являлась залогом складывания в купеческой среде партнёрских по своему характеру семейных отношений.

На отсутствие явной правовой асимметрии между полами в купеческих семьях в 60–90-х гг. XIX в. указывает и такое обстоятельство, что юридически женщина-купчиха имела право сделать выбор в сфере организации своей профессиональной деятельности – торговле. На этот счёт российское законодательство второй половины XIX в. имело прямое указание: «Лица женского пола причисляются к купеческим гильдиям на одинаковых с мужчинами основаниях»⁵⁹. Торговый и Кредитный уставы, полностью регламентировавшие все стороны занятия торговой деятельностью в России, закрепляли три варианта участия купеческой женщины в осуществлении торговли.

Первый вариант вовлечения женщины в предпринимательскую деятельность предполагал её участие в организованном её мужем торговом деле. Для этого купец был обязан при покупке гильдейского свидетельства внести в него имя своей жены, а также детей. Все члены купеческого семейства в таком случае имели право заниматься совместным бизнесом в рамках одного семейственного капитала. К родственникам купца – главе торгового предприятия – относились жена, сыновья и незамужние дочери, внуки (сыновние дети)⁶⁰.

Второй вариант был связан с неблагоприятными обстоятельствами, происходившими в жизни купеческой женщины. Например, с оставлением мужем «торговли по купеческому званию» и переходом в мещанство, но без объявления его несостоятельным; или же со смертью супруга – и тогда купеческая вдова была вынуждена возглавить торговое дело, объявив капитал и приобретя гильдейское свидетельство с внесением туда членов своей семьи – сыновей (возможно, женатых с детьми, при условии проживания в одном доме) и незамужних дочерей. Без объявления особого капитала и записи в гильдию под собственным именем купеческая жена не имела никаких прав на производство торговой деятельности, однако по-прежнему сохраняла купеческое звание.

И, наконец, третий вариант был возможен при самостоятельном предъявлении отдельного от мужа особого капитала с образованием, тем самым параллельного дела в рамках одного семейства. Для ведения индивидуальной торговли замужняя женщина по российским законам не нуждалась в предварительном разрешении на это своего супруга, который, в свою очередь, не имел права наложить свое veto на торговлю жены, проводимую ею от своего имени⁶¹. В данном случае закон разрешал принять в это инициированное женщиной дело своих детей, но только от прежнего брака, если таковые имелись; дети же от настоящего брака к данному капиталу не допускались.

Сферами приложения деловой активности купеческих женщин Центрального Черноземья в 60–90-х гг. XIX в. являлись следующие области, классифицированные Торговым уставом как «роды торговых действий»: во-первых, комиссионные и маклерские дела; во-вторых, банковские операции; в-третьих, содержание магазинов, амбаров, складов, лавок, погребов, заводов, трактиров, гостиниц, рестораций, постоянных домов, питейных домов, харчевен, рыбных садков, торговых бань; в-четвёртых, размен денег; в-пятых, вступление в казённые подряды и откупа⁶².

Таким образом, гражданское законодательство Российской империи в 60–90-е гг. XIX в., закрепляя наличие строгой семейной иерархии во взаимном положении полов в купеческой среде, наделяло купеческую женщину широким кругом имущественных прав, а также давало альтернативные возможности принятия окончательных решений, касающихся способа вовлечения в торговую деятельность. Названные права в конечном

⁵⁹ Свод законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II. Тетрадь 2. СПб., 1857. Торговый устав. Ст. 4.

⁶⁰ Там же. Ст. 36.

⁶¹ Свод законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II. Тетрадь 2. СПб., 1857. Торговый устав. Ст. 44.

⁶² Там же. Ст. 2.

итоге обеспечивали женщину купеческого звания прочным положением в социальной структуре провинциального общества.

LEGAL STATUS OF THE FEMALE MERCHANT CLASS
IN THE RUSSIAN SOCIETY IN THE 60's-90's OF THE XIX CENTURY
(ON THE MATERIELS OF THE CENTRAL BLACK EARTH ZONE)

E.N. MENSHIKOVA

Belgorod State University

e-mail:
menshikova@bsu.ru

This article is dedicated to one of the most important aspects of evolution of the female merchant class in the Central Black Earth Zone in the 60's – 90's of the XIX century – change of legal status of merchant women in the inter-reform period. Analysis of all Russian legislation dated to the 60's – 90's of the XIX century and review of the documents collected in the state archives of the Belgorod, Voronezh and Kursk regions enabled to reveal a distinctive tendency of approximation of legal status of man and woman of merchant class.

Key words: merchant women, legal status, law of property, business activity.

